

© 2000 г., ЭО, № 4

С.В. Чешко

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ: КОГО СЧИТАТЬ И КАК СЧИТАТЬ?

Обещанного три года ждут

В 2002 г., с опозданием в 3 года, наконец-то (будем надеяться) пройдет первая перепись населения Российской Федерации, если, конечно, очередные финансовые неурядицы вновь не сорвут это важнейшее для страны дело. Значение предстоящей переписи по сравнению с предыдущими советскими переписями особенно велико. Она должна показать, как изменилось общество после исчезновения СССР, каковы результаты сложных, зачастую драматических социально-экономических и политических катаклизмов, резко усилившихся миграционных процессов. В связи с этим есть смысл задуматься, что мы будем иметь в итоге.

Нехорошо уже то, что по причине переносов сроков переписи нарушился привычный 10-летний цикл, что затруднит сопоставление данных. А учитывая, что итоговые материалы переписи будут опубликованы в лучшем случае не раньше, чем еще через 3–4 года, потребители статистической информации (включая ученых) получают ее почти через 20 лет после предыдущей переписи. Отсутствие сколько-нибудь достоверных статистических данных в условиях резких трансформаций в составе и численности народонаселения, демографических показателях, социально-экономических характеристиках после 1991 г. создало огромные трудности в исследовании тенденций развития российского общества и, надо полагать, для государства в планировании его внутренней политики. Публикации конца 1990-х годов основывались на явно устаревших материалах Всесоюзной переписи 1989 г. и потому не могут считаться вполне адекватными. А поскольку общественные процессы в постсоветскую эпоху характеризуются гораздо большим динамизмом, чем прежде, то и данные переписи 2002 г. тоже могут устареть до их обнародования. Остается только удивляться недалекости государства, которое экономит на том, что ему нужно в первую очередь, — на познании общества, которым оно пытается управлять.

К сказанному следует добавить, что скорее всего материалы переписи опять, как и предыдущие 2 раза, опубликуют в виде небольшой книжки, содержащей лишь самые общие сведения, сославшись на недостаток средств. Очевидно, однако, что отнюдь не недостаток средств явился причиной того, что материалы переписей 1979 и 1989 гг. были обнародованы в столь урезанном варианте. Едва ли у государства в те годы имелось меньше финансовых возможностей, чем, например, в 1926 г., когда вышло 56 солидных томов. В дальнейшем число томов неуклонно сокращалось, хотя страна не становилась беднее. Видимо, причиной этого служили не финансовые трудности, а нежелание дать обществу подробную информацию. Р. Пуанкаре называл статистику особым видом лжи. Советское же государство в период «застоя» предпочитало не лгать, а поменьше говорить.

Проблема номенклатуры этнических общностей

Говоря о предполагаемой переписи, следует сказать о серьезных опасениях относительно правильности определения этнического состава населения России. Такие

опасения имеются у многих этнологов, о чем, в частности, свидетельствовало обсуждение подготовительных материалов Госкомстата РФ к переписи на заседании Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН в марте 2000 г. Еще одним основанием для беспокойства является то, что материалы готовились без участия сотрудников института, хотя прежде они неизменно были основными разработчиками этнологической части переписей. В результате в представленном Госкомстатом перечне народов и языков оказалось так много неточностей и просто грубых ошибок, что Ученый совет забраковал его целиком.

Главная проблема заключается в определении методологических принципов фиксации этнического состава населения и языковой ситуации в стране. Этнические коллизии всех послевоенных переписей сводились по сути только к тому, чтобы заранее составить список народов, которые будут присутствовать в итоговых материалах. Хотя со временем было признано, что критерием национальной принадлежности может считаться только личное самоопределение граждан, все виды этнической самоидентификации должны были быть втиснутыми в такие списки. Если какое-то (этническое) самоназвание выходило за рамки перечня, его включали как самоназвание субэтнической группы в тот или иной кодифицированный этноним и не показывали в итоговых материалах. Задача этнологов состояла только в том, чтобы с «научной точки зрения» составить список, т.е. включить в него одни этнонимические группы и не включить другие.

В советское время эволюции научно-этнографической мысли в данном вопросе были обусловлены не только самим развитием науки, но и заказом со стороны государства. Вместе с тем не следует сводить проблему к колебаниям советского политического режима между тотальной ассимиляцией (чего, кстати, никогда не было) и этническим плюрализмом. Суть дела заключалась в том, что этническая структура общества оказалась во многом сопряжена с государственно-политической и административно-территориальной структурами, этничность была *политизирована*. Будучи созданной, «национально-государственная» система включала национально-территориальные образования различных уровней и в дальнейшем диктовала свои правила игры. Она обуславливала признание или непризнание того или иного народа, что зачастую было связано с ассимиляторскими установками правящих региональных этнических элит. Именно их политикой объяснялось, например, то, что долгое время в переписях населения памирские народы включались в состав таджиков, замалчивалось существование татов, а отчасти и талышей в Азербайджане. Таких примеров можно привести немало.

В годы «перестройки» и после распада СССР, казалось, должно было произойти «раскрепощение» этничности, освобождение ее от бюрократических пут огосударствления. Однако мы наблюдаем прямо противоположное – усиление политизации этничности, что и неудивительно: постсоветская Россия сохранила главный порок советской государственной системы – политическое статуйрование этносов. Это объясняется не только устойчивостью идеологических стереотипов в «национальном вопросе», созданных в советское время, но и тем, что они послужили основой и для разрушения СССР, и для «парада внутренних суверенитетов» в самой России. Поэтому вполне логично, что в 1990-е годы начался лавинообразный процесс, так сказать, *этнического грюндерства*, когда стали возникать национальные движения и организации, требующие *официального* признания соответствующих групп населения в качестве самостоятельных этносов.

В одних случаях это были «забытые» народы, исчезнувшие из переписей населения, в других – народы или субэтнические общности, которые никогда прежде не выделялись отдельно, да и не претендовали на это (эрзя и, в меньшей степени, мокша, сибирские татары и их подразделения, тувинцы-тоджинцы, керекы и др.). Наконец, встречаются случаи довольно экзотические, как, например, создание болгарских общин, требующих внести *булгар* в переписные списки и разрешить указывать в паспортах граждан эту национальную принадлежность.

Подобные примеры зачастую обусловлены целью получить какой-то статус, а вместе с ним – политические и экономические выгоды. Играть роль и просто желание народов считаться самостоятельными, уникальными и, конечно, древними – чем древней, тем лучше. Причудливые претензии на историческое родство с шумерами, хеттами, этрусками и др. имеют вполне рациональное зерно в рамках нерациональной, искаженной системы «национально-государственного устройства» РФ, унаследованной от СССР: если мой народ существует много веков или тысячелетий, значит, он имеет особые, преимущественные права по сравнению с соседними народами, в том числе исключительное право на собственную «этническую территорию». Это все хорошо знакомо. Собственно, с дискуссий о древности, историческом наследии, этногенетической чистоте народа начинались все коллизии, которые привели в 1980–1990-е годы к формированию политических национальных движений.

Пока советский политический режим сохранял контроль за встроеной в него этничностью, определение номенклатуры «официально признанных» народов было главным образом проблемой взаимоотношений центральной и республиканских правящих элит, а ученые, составляя такие списки, в принципе не зависели ни от каких других привходящих факторов, кроме как от указаний центральных партийно-государственных органов. Теперь ученые освобождены от такого командования, но они стали, пожалуй, не менее зависимыми в *психологическом* отношении от республиканских властей, национальных ассоциаций, мнения «прогрессивной общественности». Зачастую ученые оказываются как бы между жерновами разных, диаметрально противоположных требований, не будучи в состоянии предложить решения, которые не вызвали бы ничьих протестов. Включать или не включать тот или иной народ в список – значит наверняка вызвать обвинения в подрывной деятельности против большего этноса или, наоборот, в шовинизме и нарушении прав этноса-претендента на самостоятельность.

Напрашивающийся выход из положения – придерживаться правила научной объективности – оказывается неверным. Во-первых, ученые никогда не будут абсолютно «объективны», поскольку они в большей или меньшей степени подвержены влиянию общественного мнения, идеологическим пристрастиям, зависимы от государства или местных властей. Образ башни из слоновой кости не подходит. Во-вторых, научная объективность – это вообще абстракция, по крайней мере в гуманитарных науках по причине их неточности и решающей роли индивидуальности самого исследователя. Подбор и отбор фактов, их интерпретация и концептуализация результатов работы с фактами всегда субъективны. «Объективность» чаще всего означает не строгую доказательность, а некий консенсус большинства по поводу тех или иных выводов и концепций. И такой объективности становится тем меньше, чем больший плюрализм по части идеологии и методологии приобретает наука, что и произошло в последние годы с отечественной этнологией.

Вариант решения – этнонимический подход

Если оставить в стороне вненаучные факторы, влияющие на определение номенклатуры этнических общностей, то на первый план выйдут сугубо теоретические проблемы, главная из которых – критерии идентификации этнических общностей. Ни одна из существующих классификаций, принятых в этнологии (лингвистическая, расовая, конфессиональная, историко-культурная), не является собственно этнической. Все они отражают лишь отдельные характеристики человеческих общностей, но отнюдь не то, что можно назвать сутью этнического¹.

Комплексно-онтологический подход, содержащийся, например, в отечественной «теории этноса», имеет значение для познания природы, развития, взаимодействия этнических образований. Однако он не может дать четкого ответа на вопрос о том, когда перед нами *этнос*, а когда – *субэтническая* или вообще *неэтническая* группа. Даже базовый признак, принятый этнологами в классификациях народов, – язык на

поверку оказывается далеко не бесспорным, так как разделение на языки, диалекты и говоры – это тоже результат консенсусной типологизации. Строго говоря, невозможно доказать, что русские, украинцы и белорусы говорят на разных языках, а не на диалектах одного восточнославянского языка. Не говоря уж о том, что языковой критерий в некоторых случаях вообще не действует. Классический пример – разные народы говорят практически на одном и том же языке (немцы и австрийцы, французы и франкоканадцы, англичане и англосаксы США, Канады, Австралии, Новой Зеландии). Есть примеры и другого рода, когда этнос не имеет единого языка. Что бы ни утверждали идеологи эрзянской самостоятельности, по общему признанию ученых, существует этнос *мордва*, но нет единого мордовского языка (вопреки, например, представлениям Госкомстата РФ), а есть мокшанский и эрзянский языки.

Прикладные дискуссии в связи с предстоящей переписью населения показывают, что ни прежняя бюрократическая процедура, ни устоявшиеся или новейшие концептуальные построения не позволяют в должной мере отразить этническую структуру российского общества и динамику ее развития, поскольку все такие концепции вступают в противоречие с базовым принципом переписей – этническим самосознанием граждан. Все теории признают этот фактор важнейшим в исследовании этнических процессов. Разница заключается в том, что теории учитывают много других аспектов, и это правильно в контексте теоретических размышлений, а для переписи нужен единственный критерий. В качестве такового может выступать только собственная этническая самоидентификация людей. Разумеется, это очень субъективный показатель, но такая субъективность все же лучше, чем навязанная людям субъективность со стороны государства с помощью ученых или идеологов национальных движений.

Более десяти лет назад М.В. Крюков, обсуждая практику проведения переписей, предлагал отказаться от составления предварительных списков народов и взять в качестве основного *этнонимический* принцип фиксации народов тогдашнего СССР, т.е. фиксации всех существующих этнических самоназваний². Тогда это предложение не нашло понимания, потому что шло вразрез с нормативными теоретическими представлениями и пугало разгулом субъективизма и конъюнктурщины. Позднее В.А. Тишков критиковал М.В. Крюкова, но по другой причине – за то, что он продолжал верить в возможность таких научных процедур, которые позволили бы выработать адекватный список народов страны³.

Отчасти с такой критикой можно согласиться, поскольку М.В. Крюков, с одной стороны, справедливо указывал на недостатки старой системы фиксации народов, а с другой – предлагал ее заменить иной, более «научной»: «... Актуальной практической задачей советских этнографов является обеспечение переписи населения теоретическим обоснованием, соответствующим современному уровню исследований в области теории этноса»⁴. Следует, однако, учитывать, что в конце 1980-х годов «теория этноса» еще оставалась безусловной методологической нормой для советских этнологов (и это, кстати, было лучше, чем прежнее доминирование официальной «теории наций»). Кроме того, ученые были искренне убеждены в способности науки дать практические рекомендации абсолютно по всем вопросам жизни общества и настойчиво убеждали чиновников в необходимости строить политику государства на научной основе. Только с течением времени стало приходить понимание того, что наука не всесильна и теоретические разработки далеко не всегда пригодны для сугубо практических нужд, что непосредственное применение таких разработок в политике или идеологии даже может принести вред. Характерный тому пример – недобросовестная эксплуатация отдельных элементов «теории этноса» идеологами этнонационализма.

Заслуга М.В. Крюкова именно в том, что в тех условиях он сформулировал (отчасти обобщив и «вербализовав» мысли коллег) некоторые принципиальные идеи, которые противоречили тогдашним стереотипам, а ныне выглядят весьма актуально.

Сегодня опасения, связанные с кардинальными изменениями в процедуре фиксации этнических общностей, вроде бы получают дополнительное основание в связи с резко

усилившейся политизацией этничности и тем самым «этническим грюндерством», о котором я писал выше. Однако, если задуматься, *этнонимический* подход оказывается наиболее нейтральным с точки зрения этнологической теории, поскольку он не противоречит никаким конкурирующим концепциям. Он наиболее инструментален с точки зрения практических нужд государства, включая цели переписи населения, так как позволяет отразить все многообразие этнической мозаики населения страны. Он, наконец, наиболее компромиссный с идеологической точки зрения, потому что избавляет государство и ученых от необходимости заранее и однозначно ответить на вопрос, существует или не существует та или иная этническая общность. Ответ будет содержаться в материалах переписи населения. Рискну предположить, с большой вероятностью вызвать резкую критику, что *этнонимическое самосознание* может оказаться единственным объективным и надежным критерием идентификации этнических общностей в связи с потребностями переписи населения.

Высокая теория и обыденная методология

Для отечественной этнологической науки принятие на теоретическом уровне в качестве базового критерия этнической самоидентификации, выражаемой этнонимом, весьма тривиально и символизирует преемственность со ставшей традиционной «теорией этноса». Это довольно любопытное обстоятельство, потому что названная теория некогда вызывала интуитивное отторжение со стороны многих советских этнографов, полагавших изыскания ее творцов чистой схоластикой. Однако она постепенно настолько укоренилась в сознании тех же исследователей, что они, зачастую не отдавая себе в этом отчета, строят собственные построения на выборочном или просто догматическом ее восприятии и толковании. При этом, правда, делается упор на материализованные параметры этноса в виде «аудиовизуально» фиксируемой культуры.

Ю.В. Бромлей в свое время дал неосторожную установку на то, что этнография изучает именно и только этнические аспекты общественного бытия⁵. В результате получилось, что этнографы, всю жизнь изучавшие культуру, стали считать абсолютно все изучаемое ими *этнически специфическим*. И даже когда приходится признать, что те или иные черты культуры существуют у разных народов, утверждается (как само собой разумеющееся), что это этнические (т.е. этнически специфические, присущие только данному этносу) черты.

Вместе с тем ключевое, может быть, понятие «теории этноса» – «этническое самосознание» – нередко остается на периферии, так сказать, *обыденной методологии* российских этнологов, работающих в русле традиционных концептуальных установок. Доминирует онтологический подход к пониманию этноса, заключающийся в весьма сомнительном, а по моему разумению, просто ошибочном представлении о том, что специфика этноса, а значит, и его идентификация основываются на некоей объективно существующей этнической культуре, присущей только этому этносу.

Слабость «традиционалистского» подхода к фиксации этнических общностей заключается и в его антиисторичности, хотя, видимо, такая мысль окажется большим сюрпризом для многих коллег, убежденных в том, что именно они, воспитанные в духе классической советской этнографии, являются носителями принципов исторического исследования этноса. В дискуссиях обнаруживается, что приверженность историзму сводится главным образом к императиву изучать прежде всего прошлое этносов. Очевидно, однако, что главный признак историзма должен состоять в исследовании предмета в его развитии и признании всех этапов развития (включая и современный) одинаково значимыми.

Отмеченный антиисторизм выражается, в частности, в довольно схоластическом толковании истории развития этносов. Ее принято разделять на этногенез, этническую историю и все остальное, т.е. подразумевается существование этноса в, так сказать, сформировавшемся состоянии. Иными словами, этнос складывается, «просто развивается», а затем «просто существует». Не говоря уже о том, что такие

представления вступают в явное противоречие с диалектической методологией, практически невозможно найти сколько-нибудь строгие критерии, определяющие границы между этими фазами. Диалектики и научной строгости здесь не больше, чем в известной теории развития этноса Л.Н. Гумилева. Не хватает только завершающей, по Гумилеву, фазы – умирания этноса. И это все при том, что изыскания Гумилева обычно вызывают в отечественной этнологической среде легкую иронию. Показательно, кстати, что когда дело доходит до «этнической истории», то пишут, о чем угодно, – об истории политической, развитии экономики и социальных отношений, культуры – кроме нее самой, потому что никто точно не знает, чем различаются этногенез и этническая история.

Практическое следствие для этнологической теории из таких психолого-методологических установок – это то, что в наше время никаких новых «этногенезов» быть не может, хотя теория такой возможности и не отрицает. Этой несусальной, возможно, эпатажной фразой я постарался отразить существо противоречий, возникающих при переходе от, казалось бы, безупречных теоретических выкладок к исследованию конкретных этнических процессов в современном мире. Почему, собственно, в современном мире не может происходить того, что в отечественной теории называется «этногенетическими», «этнотрансформационными» процессами? Разве история остановилась в своем движении?

То, что я называю (для простоты) «этническим грюндерством», этнологами обычно не воспринимается всерьез. Спрашивается, почему? Разве мы достоверно знаем, как «конструировались» в далеком прошлом *этносы*? Или это не были *этносы* в современном понимании, если у них не было завершающего признака в виде этнического самосознания? Или то самосознание было качественно каким-то иным, нежели в наших теориях? А если подоплекой этнического самосознания и его «легитимизация» учеными должна быть специфическая *этническая культура*, то как можно выбраться из теоретических дебрей, связанных с этим понятием, особенно в условиях современных глобальных, цивилизационных, региональных и локальных тенденций этнокультурной интеграции и прочих «этнообъединительных процессов», о которых должен знать любой студент и аспирант, сдающий экзамен по этнографии? Почему, в принципе, надо смеяться над попытками учредить болгарский или какой-то другой *неоэтнос*? Может быть лучше подождать и посмотреть, обнаружится ли он в последующих двух-трех переписях населения? Для науки и государства это будет гораздо более весомый критерий, нежели устоявшиеся стереотипы или мнения федеральных или региональных чиновников.

Язык и национальность

Существенные проблемы выявляются также при анализе блока вопросов, связанных с языком и его соотношением с национальной (этнической) принадлежностью. Абсолютно корректно выглядит то, что вопрос о *родном языке* предшествует вопросу о национальной *принадлежности**. Если было бы наоборот, то ответ на вопрос о национальной принадлежности как бы автоматически предполагал и ответ на вопрос о родном языке. Однако вопрос «Ваш родной язык» в паре с вопросом «Другие языки, которыми Вы свободно владеете» оказывается небесспорным с точки зрения задачи выявления языковой ситуации в стране, хотя он традиционно присутствовал в советских переписях населения.

По существу вопрос отражает *языковую самоидентификацию*, причем она может означать, а может и не означать реальное значение того или иного языка для респондента. В условиях интенсивной межэтнической и языковой интеграции и аккультурации основным языком для человека может и не быть язык той национальности, к

* Здесь и ниже приводятся ссылки на проект программы Всероссийской переписи населения 2002 г. о национальности и владении языками.

которой он себя причисляет. Если они совпадают, то «родной язык» будет лишь тавтологией этнической самоидентификации, а для специалистов, изучающих этноязыковые процессы, – пустой банальностью, поскольку и так ясно, что этническим языком, например, удмуртов является удмуртский язык. Если же совпадения нет, то получится искаженная картина: в таком случае «родной язык» может выражать лишь историческую память респондента, его стремление ответить так, как «положено», или, в лучшем случае, то, что в некоторых зарубежных странах именуют «материнским языком» (*mother tongue*), т.е. языком, на котором говорили в семье в пору детства респондента. Можно только догадываться о масштабах искажений в статистике, которые получатся в результате.

Вопрос «Другие языки, которыми Вы свободно владеете» не спасает положения. Во-первых, он в принципе не может быть соотнесен с первым, поскольку там речь идет о (языковой) идентичности, а тут – о знании языка. Между прочим составители инструкций для переписчиков прямо допускают такое смешение вопреки всякой логике: «Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык *родным* (здесь и далее курсив мой. – С.Ч.) языком, следует записать название языка, которым он лучше всего *владеет* или которым он обычно *пользуется* дома». И далее: «*Родной* язык детей, еще не умеющих говорить, и других малолетних детей определяется родителями. Если родители затрудняются определить *родной* язык ребенка, следует записать язык, на котором обычно *разговаривают* дома». Возвращаясь к зарубежному опыту, в этих пассажах наблюдается явное смешение категорий «материнского языка» и «домашнего языка» (*home tongue*).

Во-вторых, отсутствуют сколько-нибудь четкие критерии свободного владения языком (вспомним знаменитое «читаю со словарем»), в результате чего данный показатель как никакой другой в переписях подвержен субъективизму респондентов, переписчиков и властей, если последние заинтересованы в том, чтобы подправить картину. Такой субъективизм, кстати, уже заложен в инструкции для переписчиков, один из пунктов которых гласит: «В случае, когда опрашиваемый, проживающий на территории республики, автономной области, автономного округа, кроме русского языка и языка, указанного в качестве родного, свободно владеет несколькими другими языками, записывается язык (т.е. язык, которым «свободно владеют». – С.Ч.) коренной национальности (один из языков коренной национальности) соответствующей республики, автономной области, автономного округа...» В результате не получаем мы и реального представления о явлениях полилингвизма.

В-третьих, и это самое главное, мы все равно не будем иметь адекватных данных об основном языке, на котором говорит респондент, и о соотношении основного языка с этнической принадлежностью.

Практические выводы

1. Представляется целесообразным **отказаться от кодифицированного перечня народов, который служил бы ориентиром при сборе и первичной обработке переписных данных. Следует принять принцип открытого листа, когда фиксируются абсолютно все виды этнической самоидентификации.**

Разумеется, это потребует изменений в технологии опроса населения и обработки переписных листов. Останется проблема группирования субэтнических общностей, их соотнесения с основными этносами.

2. Указанная выше проблема может быть решена посредством **введения категории двойной-тройной идентичности (национальной принадлежности) вместо иерархического структурирования перечня народов.**

Категория множественной этнической идентичности позволит также отразить многообразные интеграционные и переходные процессы, выходящие за рамки родственных народов или субэтносов и особенно характерные для урбанизированной среды (а большинство населения РФ – городское), прежде всего для мегаполисов.

3. **Необходимо фиксировать категорию «россияне».** Это понятие несколько затаскано политиками и пародистами; можно также возразить, что включение политонима в число этнонимов методологически некорректно. Но в действительности это не совсем так. В данном случае такая категория будет означать не гражданскую принадлежность (хотя по определению она означает именно ее), а альтернативу для тех граждан, которые не в состоянии или не желают предпочесть какую-либо конкретную этническую идентичность.

Это вовсе не будет означать искусственного конструирования некоего «русского суперэтнуса». Речь идет о необходимости дать людям максимально больший выбор в определении своей коллективной принадлежности и отразить все существующие в обществе тенденции. Подобная практика, кстати, существует во многих странах мира и хороша тем, что позволяет избежать «заталкивания» сомневающих в какие-либо этнические группы.

4. **Вместо категории «родной язык» следует ввести категорию «основной язык общения»** (или что-то в этом роде). Желательно ввести также, например, категории, условно говоря, «язык по рождению» и «язык домашнего общения» (если это, конечно, посылить бюджету, хотя нет сомнений, что введение данной категории более полезно и рационально, чем выбрасывание денег на довольно бессмысленный вопрос о родном языке).

5. Выдерживая принцип множественности, как и при фиксации этнической принадлежности, **необходимо допустить возможность фиксации нескольких «основных языков» и нескольких языков «свободного владения».**

Возможные контраргументы и заключительные замечания

Я затронул несколько важных проблем и обрисовал их лишь в общих чертах, без детализации по части механизмов и технологии их решения. Вполне возможно, что предложенная (и любая другая) реформа проведения переписи населения в этот раз не будет реализована. Слишком велика сила инерции устоявшихся стереотипов, да и времени, видимо, осталось слишком мало. Наверняка даже среди коллег-этнологов найдется сегодня гораздо больше оппонентов, чем сторонников изложенных идей. Идей, кстати, не новых. Они в той или иной форме уже давно витают в воздухе, периодически проявляются в публикациях и дискуссиях. Однако, несмотря на то что специалисты давно говорят о несовершенстве отечественных переписей, до постановки проблемы в практическом плане пока дело не дошло.

Из тех возражений, которые уже раздавались или без труда угадываются, можно выделить следующие.

1. Подобная реформа нереалистична, потому что сложна и требует слишком много денег. Откровенно говоря, мне трудно об этом судить, поскольку надо досконально знать всю технологию проведения переписей, оценить закладываемые расходы и их рациональность. Но дело в другом. Едва ли такие аргументы перевешивают потребность государства в познании собственного общества, если какая-то реформа статистического учета населения позволит это сделать лучше, чем прежде.

2. Подобная реформа разорвет преемственность с предыдущими переписями и поэтому не позволит сопоставить данные.

Это весомый, но небесспорный аргумент. Сопоставимость ради выявления динамики процессов – вещь крайне важная. Однако неплохо бы задуматься над тем, что мы сопоставляем. Если эти данные, которые, по общему признанию, плохо отражают реальную картину, то преемственность означает скорее воспроизводство иллюзий. Разумеется, было бы крайне интересно провести перепись по старой и новой методе и посмотреть, что они дадут, но это, видимо, уж вовсе нереалистичная идея.

3. Самым страшным может быть обвинение в стремлении растащить этносы на мелкие этнонимические группы («разделяй и властвуй!»), лишить их «родных языков» и в конечном счете сконструировать один этнос на базе русского языка. Подобные

обвинения постоянно слышат те ученые, которые пытаются бороться с идеологическими стереотипами, взращенными советским «нациестроительством».

Перепись населения – это еще не политика как таковая. Это одна из предпосылок, одно из условий выработки политики. Если мы хотим, чтобы политика была эффективной, то должны прежде всего обеспечить государственные структуры адекватными данными, а не следовать привычкам, вкусам, групповым политическим интересам. Никакая перепись не может отменить или учредить народы. Современные народы существовали и развивались столетия, и в этом им нисколько не мешало отсутствие переписей и паспортов с отметкой о национальной принадлежности.

Другое дело, когда государство занимается раздачей этнических статусов и составлением списков официально признанных народов. Это неизбежно ведет как к конфликтам, так и к искажению естественных этнических процессов. Пока федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» оставался на бумаге, он являл собой пример довольно легкомысленной законотворческой деятельности. Но как только вышло постановление Правительства РФ «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24 марта 2000 г., этот закон приобрел крайне вредное значение. Следует ожидать новой волны «этнического грюндерства», появления десятков претендентов на статус самостоятельных этносов. Можно предполагать и искусственное занижение численности таких претендентов, если они будут балансировать на уровне установленных законом 50 тыс.

В заключение хочу подчеркнуть: я утверждаю только то, что названные проблемы существуют, и не претендую на правоту. Нам полезно задуматься, что и как мы собираемся изучать в XXI в., как мы будем соотносить собственные теоретические установки с реалиями современной эпохи, какие результаты своей исследовательской деятельности можем предложить обществу. Бесконечно рассуждая о перспективах этнологии в меняющемся мире, о ее предмете, методологии и исследовательских методах, мы не очень-то много делаем для того, чтобы действительно адаптировать нашу науку к требованиям времени.

Примечания

¹ Подробнее см.: Чешко С.В. Человек и этничность // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1994. № 6. С. 35–49.

² Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // Сов. этнография. 1989. № 2. С. 24–35.

³ Тишков В.А. О феномене этничности // ЭО. 1997. № 3. С. 16.

⁴ Крюков М.В. Указ. раб. С. 32.

⁵ См., напр.: Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 83–84.

S.V. Cheshko. Census of population: who are to be counted and how?

The article is devoted to some methodological and practical issues in connection with the forthcoming 2002 Census of the Russian Federation. The author criticizes the traditional methods used to determine ethnic composition of the country's population and its linguistic characteristics, and proposes a number of steps and measures to ensure obtaining more reliable data in the course of the Census. These include: 1) to discard the codified list of peoples which would otherwise serve as a reference point in the course of the collection and primary processing of the Census data, and adopt instead an open list principle which would register absolutely all kinds of ethnic self-identification; 2) to introduce a double- or triple identity (i.e. nationality) category; 3) to introduce the category of **Rossians** (so that to indicate the pluralistic identities other than those of particular ethnic groups); 4) instead of the category «mother tongue» to introduce a category of «basic language of communication» and 5) to allow registering more than one «basic» as well as other languages the respondents might be «fluent» in.